

СРЕДИ ПЕСКОВ И СКАЛ

0,28

166 р.

КЛАУС ПОЛКЭН

НА ПЛОЩАДИ берберского селения между тремя касбами, то есть укрепленными кварталами, окруженными глинобитными стенами, царит небывалое оживление. Выросли ларьки и палатки, около них — множество людей с закрытыми лицами. Ревут верблюды, блеют овцы, кричат продавцы и покупатели. В тени палатки кто-то разглядывает транзисторный приемник, лежат груды сорочки, демонстрируется магнитофон.

Сегодня здесь, на кромке каменистой пустыни, что тянется южнее уэда Драа, в оазисе Тиндуф, славном своими пальмами, встретились люди, живущие за тысячу километров друг от друга. А в старые времена Тиндуф был яблоком раздора между племенами и государствами.

Около 1860 года племя таджакант, спасаясь от преследования воинов племени регейбат, основало здесь поселение, построило касбы. В 1903 году регейбаты вытеснили прежних поселенцев и завладели Тиндуфом. Лишь в 1934 году появились здесь представители французских колониальных властей.

Проводимая колонизаторами политика привела к тому, что и после их ухода мир здесь воцарился не сразу. Дело в том, что в 1952 году на юго-востоке оазиса, в Гара-Джебиле, были открыты гигантские залежи железной руды — 400 миллионов тонн! — с содержанием железа 57,7 процента. Рудные богатства Гара-Джебиля превратили забытый богом Тиндуф в район с большими перспективами. Все взоры обратились на него, и оказалось, что административно Тиндуф числится за Алжиром, населен мавританскими племенами и долгое время входил в сферу влияния султанов Марокко. Границы четырех стран — Алжира, Марокко, Мавритании и испанской колонии Рио-де-Оро — сходятся здесь.

Однако в 1968 году никто не думал о старых ссорах. Люди толпились вокруг ларьков алжирских государственных торговых предприятий, которые предлагали все, что могло понадобиться кочевнику в дальних странствиях. Покупали и продавали верблюдов и овец, запасались чаем и сахаром в огромных количествах.

Впервые чай ввезли в Северную Африку в

XVIII веке, и в Сахаре он пришел относительно поздно. Сейчас он, однако, настолько популярен, что 80 процентов всего импортируемого Алжиром чая потребляется Сахарой. В рационе кочевника чай занимает первостепенное место. И не только потому, что напиток этот прекрасно утоляет жажду, бодрит, но и потому, что пьют его здесь обязательно сладкий и таким образом житель Сахары получает необходимое количество углеводов. Чай тут заваривают с добавлением мяты или других душистых трав, а также ароматических приправ, например лаванды или сока из цветов апельсина, так что по вкусу он имеет очень мало общего с нашим чаем.

Приготовление чая в Сахаре превращено в торжественную церемонию, которую один путешественник описывает так:

«У нашего хозяина умное и симпатичное лицо. Весь в белом, сидя на корточках, он заваривает чай кипятком в пестрых эмалированных чайниках, несколько раз переливая содержимое одного чайника в другой. Налет себе маленький стаканчик, попробует, выльет остаток из стакана обратно в чайник, добавит сахар, снова несколько раз переливает, опять пробует и только после этого разливает чай по стаканам, которые стоят на медном подносе, и каждому предлагает стакан. Все это совершается степенно и торжественно, чужестранцу дают понять, что ему предлагается не просто утолить жажду — он берется под защиту этого дома. И чужестранец воспринимает гостеприимство как честь. Трижды гостю подносят стакан с чаем, и трижды он должен выпить его до дна. Этикет требует, чтобы он не отклонил ни одного стакана».

Ежегодный мугар (это берберское слово означает «встреча») в Тиндуфе — для всей Западной Сахары событие большой важности. В тиндуфском мугаре возрождается к жизни давняя традиция — ежегодная встреча кочевников для обмена товарами, для закупок на целый год.

Гордой поступью мавританцы движутся от ларька к ларьку, разглядывая фабричные товары. Разумеется, и одежда их модернизировалась. Юбки из козьих шкур стали редкостью. Однако тут по-прежнему носят широкие шаровары из белой хлопчатобумажной ткани, синие гандура¹ и

Перевод из книги Клауса Полкэна «В плену Сахары» (ГДР).

¹ Гандура — длинная рубаша без рукавов.

синие тюрбаны. Синий цвет считается символом благополучия. Даже в пустыне «по одежке встречают»... Тот, кто позажиточнее, покупает ткань из Судана, которая, как и сто лет назад, выкрашена настоящим индиго. Синяя краска, часто оставляющая след на коже, дала имя стране: «Мавритания» означает «Страна синих мужчин». Сами же «синие мужчины» называют ее «Блед эль-бейдан» — «Страна белых»: «белые» — это они в противоположность темнокожим суданцам.

В то время как мужчины одним концом тюрбана часто закрывают лицо, лица женщин открыты. На них традиционная рубаша из верблюжьей шерсти с большим карманом на спине слева (в нем носят грудных детей) и шаровары; поверх рубашки — туника, на голове — синий шарф.

В 1967 году, как раз накануне открытия мугара, в Тиндуфе была достроена посадочная площадка, что позволило доставлять сюда на продажу тозарты воздушным путем. В честь этого события алжирская администрация освободила все эти товары от пошлин.

Лучшие наездники Западной Сахары показывали на мугаре свое искусство верховой езды на конях и верблюдах, и лучший из лучших получил награду.

Мугар — также праздник песни и танца. Торжественно и грациозно пританцовывают музыканты, окруженные седовласыми старцами. У каждого за плечом висит средневековый мушкет огромного калибра. Музыка внезапно и резко обрывается, грохочут выстрелы... Праздник в стране регейбатов...

ЗЛОВЕЩАЯ СТРАНА

Берберское мавританское племя регейбат — одно из самых многочисленных в Западной Сахаре. Регейбаты проникли сюда в первые четыре века нашей эры с севера, из Марокко, и подчинили себе оседлое темнокожее население здешних мест. После VIII века они приняли ислам. На рубеже XIV—XV веков в Мавритании появились макилы — племя, пришедшее из Аравии, — и после тридцатилетней войны покорили берберские племена. Однако вскоре победители в бесконечных распрях между собой почти истребили друг друга, так что берберам удалось шаг за шагом отвоевать свои первоначальные позиции.

Края, в которых разыгрывались эти события, французский исследователь Сахары Теодор Монод назвал «зловещей страной». «За 45 километров, — пишет он, — на пути нам попало лишь одно дерево — маленькая акация. Земля, оголенная бурями, обнаженная до костей, за столетия превращенная ветрами в сплошную пыль, — мертва. Ветер, свистящий над барханами, поет о давно прошедших временах, об оцепенелом сне земли, которая уже не знает, что такое дождь. Между скалами из песчаника, которые медленно, но неуклонно крошатся, ползают люди, цепляются за скелет этой умирающей земли. Жалкие муравьи, они томятся от жажды и голода, они бредут по сыпучему песку, отнимающему у них последние силы, или до крови сбивают ноги на камнях, беспрерывно борясь против страшного ветра бесконечной равнины, то леденя ее от холода, то изнывая от зноя».

В этой пустыне, где кругом только песок или камень, оазисы встречаются крайне редко. Летом ветер с юга, с Гвинейского залива, приносит иногда немного влаги, но большую часть года с востока, из Центральной Сахары, дует харматтан — знойный суховей, убивающий всякую жизнь. Летом темпера-

тура местами поднимается до 50° в тени, а зимой на плато высотой в 500—600 метров термометр падает до 5° ниже нуля.

И все же растения отжились довольно далеко проникнуть в пустыню. Акация, уроженка юга Мавритании, дает смолу, некогда столь высоко ценимый гуммиарабик, который был важным предметом торговли и привлекал к здешним берегам голландских купцов. На короткие недели земля здесь покрывается зеленой травой. И этого оказалось достаточно, чтобы края эти пересекли караванные пути.

Караванная торговля стала для мавританских племен одной из важнейших статей дохода. Другим источником средств к существованию было скотоводство, и надо сказать, в стране без воды, с весьма скудной растительностью — это тяжелый труд. Регейбаты прославились разведением верблюдов. Их белые гоночные мехари и сегодня славятся самыми красивыми и выносливыми во всей Сахаре. Торговля и скотоводство зависели от многих факторов: от погоды, от времени года, от положения дел в соседних областях. В засуху оставался лишь один выход — разбой. Вот что рассказывает один мавританец: «Однажды, когда я еще был молодым, полным сил вождем племени, солнце сожгло наши пастбища и половина скота пала от голода. Наши лазутчики сообщили, что на востоке, на расстоянии нескольких караванных переходов, в горах Ахаггар, выпал дождь. Мы знали, что там в стадах много молодняка. Поэтому я решил со своими соплеменниками отправиться туда верхом на верблюдах. Бурной темной ночью мы двинулись в путь. По дороге убили трех горцев: они не были к нам враждебны, но могли нас выдать. Мы незаметно подкрались к лагерю племени бени-хал и под покровом темноты напали на него. Убили мужчин, взяли в плен четырех женщин и двух черных рабов, угнали 20 молодых, сильных верблюдов. За нами пустились в погоню. Мы потеряли пятерых воинов и лишились почти всех добытых верблюдов, так как наши тайные колодцы с водой пересохли. Женщин мы также должны были бросить в пути. Мы вернулись к родным шатрам с пустыми руками. Многие наши дети умерли в тот год». Вот он, жестокий, беспощадный закон пустыни, по которому должны были жить ее обитатели.

Мавританские берберы делятся на несколько племен, вернее племенных союзов, каждый из которых имеет свои определенные, четко ограниченные владения. Самое большое племя — упомянутые выше регейбаты. Им принадлежит север Мавритании, на востоке хозяевами являются племена текна и таджакант, на юге и западе — улед-делим.

Кочевая жизнь мавританцев, для которых не существует границ, установленных XX веком, делает совершенно невозможным определение их численности с большей или меньшей точностью. Полагают, что их насчитывается от 200 до 300 тысяч. Перед второй мировой войной регейбатов было приблизительно 25 тысяч человек. Сколько их на самом деле, одному аллаху ведомо.

Социальная структура мавританского общества кажется на первый взгляд совершенно хаотичной. Мавританцы в прошлом не имели государственности, никогда не создавали более или менее крупного национального объединения. Иногда только, на ограниченный отрезок времени, удавалось объединить отдельные племена в конфедерации.

(Окончание следует)